Публичность и гласность в России в период Великих реформ: к 160-летию начала работы обновленных судов

Татьяна Борисова

От составителя[1]

DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_121

Татьяна Борисова
Петрозаводский государственный университет / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук, PhD
tyuborisova@gmail.com.

Tatiana Borisova
Petrozavodsk State University / National Research University — Higher School of Economics, St. Petersburg, senior researcher; PhD
tyuborisova@gmail.com.

Великие реформы 1860-х–1870-х годов — важнейший и недостаточно осмысленный исторический период. Их фактическая канва вполне описана и известна — отмена крепостного права, новый суд, гласный государственный бюджет, введение начал местного самоуправления и всеобщей воинской повинности и др. Однако значение этих кардинальных свершений для современников и вообще для российской и мировой истории «стушевалось», выражаясь любимым словом Достоевского.

Во многом это результат критической оценки нововведений и самих надежд на коренное переустройство России. Правота упреков современников в неготовности к реформам, их недостаточности и незавершенности была как будто подтверждена ходом истории — свертыванием реформаторского курса при Александре III, а потом революциями 1905 и 1917 годов. В итоге, начавшись с *оттепели* и закончившись казнью императора Александра II народовольцами, эта стремительная четверть века в историческом нарративе оказалась как бы подмятой под себя последовавшими событиями.

Но если отвергнуть телеологическую поступательность истории и внимательно всмотреться в происходящее в 1860-е–1870-е годы, то можно увидеть, как современники справлялись с новизной реформ. И здесь самым ярким и недостаточно изученным новшеством было бурное развитие публичной сфе-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-073).

ры, открытого суда публики над действительностью. Этот процесс был частью более широкого глобального явления — стремительного приращения научного и практического знания о мире и его ценностях в мощно развивавшейся мировой капиталистической системе. Как уже давно показал Фуко, отождествление знания и власти нарастало по мере развития модерности («Интеллектуалы и власть»). Дарованная Александром II гласность, т.е. возможность обсуждать публично общезначимые вещи, должна была укрепить пошатнувшийся после поражения в Крымской войне авторитет власти. Приоткрытая для обсуждения подданных *власть-как-истина* таила в себе опасный перевертыш — *истина-как-власть*.

Подготовленный нами блок статей ставил своей задачей детально рассмотреть, как люди 1850-х–1870-х годов осознавали и обсуждали политический потенциал публичного обсуждения истины? Этот вопрос особенно важен, потому что в историографии остается очень влиятельным тезис о слабом развитии независимого от государства экспертного знания в России, недостаток которого приводил к неразвитости либеральных начал и этатистскому крену в общественной жизни. Статьи нашего блока проблематизируют дарованные императором либеральные блага как вызвавшие ожесточенные споры в публичной сфере периода Великих реформ.

Блок открывается статьей **Александра Юрского** об обсуждении гласности. В ней пересматривается взаимосвязь трех «китов», на которых стояли Великие реформы, — общественного мнения, оттепели и гласности. Автор показывает, что с самого начала гласность, т.е., словами М.П. Погодина, «указание злоупотреблений», воспринималась как своего рода оздоровительное средство, которое должно продемонстрировать «твердость» власти. Чиновники смотрели вполне практически на требования общественности и обсуждали пользу «*искусственной гласности*». Под ней понималось инициирование сверху общественного энтузиазма по поводу той или иной инициативы правительства. Так, свет гласного обсуждения направлялся от злоупотреблений власти на ее благие преобразования, что обличалось некоторыми представителями общественности как искаженная, «благонамеренная» гласность.

Обличениям другого рода посвящена статья о яростной критике обновленных судов в еженедельнике «Гражданин» периода редакторства Ф.М. Достоевского. **Татьяна Борисова** обращает внимание на любопытную тенденцию взаимного обесценивания в печати сторонников и противников новоявленной судебной власти. Консервативный «Гражданин» обличал продажность выскочек-адвокатов, спекулировавших на трескучих фразах и европейских образцах риторики защиты прав, напрямую связанных с революционными потрясениями. Их либеральные критики разоблачали небескорыстную позицию верноподданических авторов, включая «помешавшегося» в Сибири Достоевского. И те и другие выступали в качестве защитников народа и настаивали на своей исключительной экспертизе в области его нужд.

Заключительная статья **Вадима Парсамова** раскрывает сложные представления Ф.М. Достоевского о людском и церковном суде в романе «Братья Карамазовы». Со времен символической казни писателя одной из центральных тем, его волновавших, был поиск ответа на вопрос: кто и по какому праву может судить другого. В статье проводится подробная контекстуализация темы религиозного суда в романе, которая позволяет увидеть в новом ракурсе вопросы практической этики, не решенные судебной реформой. Парсамов показы-

вает, что Достоевский, не поддерживая, но и не отвергая реформированный суд, делал ставку на свободу нравственных побуждений личности как противовес вере в силу человеческих законов и основанных на них институтов.

В заключение отметим тезисно, что в ходе Великих реформ публичные споры о суде (в широком и узком смысле этого понятия) стали отражением рефлексии об истине и тесно сопряженной с ней власти. Понятийное разделение ясной Божественной правды и доказуемой человеческой истины, отмечаемое еще в допетровское время (Б.А. Успенский), в России XIX века перешло в новую политическую стадию. Требуется дальнейшее изучение исторической развилки 1850-х–70-х годов как важнейшего времени постановки и решения «проклятых вопросов».